

ПРОЛОГ

Сильный холодный ветер гнал серые мрачные тучи по выцветшему небу. Ветер мешал людям двигаться, птицам лететь. Белые пушистые мухи, набросившиеся на окоченевшую землю еще утром, залепили окна домов, засыпали дорожки, меховые воротники и шапки. Снег ненадолго успокоился, но потом, обдумав и поняв, что недостаточно натворил бед, с новой яростной и злой силой бросился нагонять упущенное. Благодаря этому неистовству вся земля и всё, что на ней стояло, что по ней двигалось, оделось в белый саван, став похожим на покойника перед погребением. Над всем этим носилась и волком выла вьюга, отслуживая панихиду по всему живому. Мороз сковал землю ледяными оковами, превращая дыхание живых существ в пар, воду – в камень. Молоденький воробей, всегда беззаботно чирикавший под теплой крышей и слышший среди остальных птиц хитрецом и мелким жуликом, расправил крылья, решившись на безрассудный шаг полететь в недостроенный птичник. Вываливавшиеся из худых мешков зерна всё еще продолжали лежать под худым, частично залатанным козырьком. Зима – зимой, а обед по расписанию. Полетели! Острыми иголками ветер вонзился крохотной птице под перья, ожег горло и плотной удушливой пробкой залепил маленькие легкие. Сердечко вздрогнуло, встрепенулось, поднатужилось, пытаясь пропихнуть в сузившиеся вены капельки застывшей крови, и остановилось. Воробей, не в силах справиться с резкой болью, последний раз раскрыл глазки, поджал ножки, сложил крылья и упал вниз, уткнувшись серым клювиком в снег. Он чувствовал, как его залепляет безразличная холодная вата, падающая с неприветливого неба и как ветер студит его тоненькую кожу. Его уже не могли согреть серенькие, убогие для такого мороза перышки.

В старом доме, находящимся на самом краю поселка, умирала старуха. Она валялась в испражнениях, давилась рвотной массой, корчилась в агонии, дергалась в конвульсиях, но когда вот-вот, жизнь должна была уже оставить высохшее, сморщенное от времени, измученное тело, кончина внезапно отступала и затаивалась. Отдохнув минут пятнадцать, смерть вновь принималась за пытку. Так продолжалось уже два дня. Не помогла и иконка с изображением Божьей Матери, принесенной заботливыми руками соседки.

– Делать тебе нечего! – ворчал на жену дед. – Не поможет этой стерве икона и ходить нечего! Волком жила – волком и помрет. Не топчи ноги. Собаке – собачья смерть!

– Немыслимо так мучиться! – причитала его супруга, отмахиваясь от мужа. – Не по-человечески это.

– Сколько бед она принесла в наш дом. Ты только вспомни! Добрая ты очень – всем всё прощаешь.

– Бог велел прощать, – не уступала мужу Елизавета и продолжала молиться.

– Тьфу! Дура ты, да и только! – дед залез на печку. – Не видеть бы всего этого.

Из соседнего дома раздался крик. Старуха кричала на взрыд. Ее ноги и руки скрутило, вывернуло, до хруста в суставах. От боли сосуды глаз полопались, и теперь смертница видела все окружающие ее предметы через кровавую пелену и смутную завесу. Это были секунды озарения. Через миг сознание покинуло ее, и теперь тело и душа хотя пока и обитали рядом, но уже жили и мучились по отдельности. Головной мозг еще не умер, но он уже не имел той формы, которую имеет нормальный человеческий мозг. Опухоли сгладили все извилины, атрофировав все клетки. Старуха бредила, металась из стороны в сторону, каждым движением причиняя себе еще большие и большие мучения. Душа – нечто невесомое и неосязаемое, рвалось горячим дыханием прочь из прогнившего насквозь тела. Искорка жизни выражалась в инстинктивном хватании ртом воздуха. Выдох бурлил клочкотанием гланд, со свистом проходя через белый запавший язык, высохший от температуры рот, провалившиеся челюсти, выходя через нос пузырями. Сквозь пролежни, с копошащимися там белыми червями, сочилась черная, с примесью вонючего гноя, кровь. Пролежни потрескались и кровоточили. Всё тело было покрыто незаживающими глубокими язвами. Процесс распада был обширным. Куски отслаивающейся дряблой кожей свисали лоскутками, торпорщились высохшими белыми бляхами, иногда скрученными, иногда сложенными, валяющимися на простыне, где попало и как попало. Безжизненными частями кожи, как перхотью, было усыпано всё ложе.

Мясо отслаивалось от костей и свисало желтыми, бесформенными морщинистыми складками, через которые, на изгаженную и мокрую простынь, сочился холодный и смрадный пот.

Желудок выплескивал и выплевывал содержимое – смесь мочи, крови и кала. Легкие хрипели, хлюпали, рвались на части.

Смерть не позволяла организму умереть раньше, чем останется хоть одна живая клеточка, хоть одна молекула или один живой лейкоцит, пока последняя капля муки не будет выпита полностью, даже если этой каплей умирающий начнет давиться. Наконец вы-

сосав из тела все соки и исчерпав все мыслимые и немыслимые возможности, смерть схватила старуху за горло и начала душить. Меха легких остановились. Старуха последний раз дернулась, рот распахнулся в поиске последнего глотка воздуха, глаза широко раскрылись. Тонкие губы побелели, нос заострился. С последним хрипом душа вылетела прочь из тела, распахнула посеревшую от времени и давно не мытую форточку, колыхнула натянутую паутину, в которой запутался легкий мусор, и умчалась прочь из душевной вонючей комнаты. С иконы Божьей Матери, постепенно сошло пятно испарины. В комнате стало холодно. Глаза Божьей Матери смотрели на труп безучастно. К ней была протянута рука умершей старухи. Посиневшие пальцы с черными, похожими на собачьи когти, ногтями показывали иконе страшную скрюченную фигуру.

В этот миг в одном из городских роддомов раздался крик новорожденного ребенка. Эта была недоношенная, родившееся в семь месяцев, девочка. Роды были сложными. Воды давно отошли, схватки были слабыми, еле заметными, да и ворота, дающие новую жизнь, были настолько узкими, что в них ни ножка, ни головка ребенка, никак не могла пройти свободно. Начавшиеся внезапно роды как будто парализовали нормальный процесс продолжения рода. Мышцы отказывались растягиваться, матка отказывалась сокращаться. Вначале ребенок перевернулся, не желая выходить на свет, потом пуповина запуталась вокруг шеи, вызвав кратковременную асфиксию и только тогда, когда было принято решение сделать кесарево сечение, роды закончились. Смертью матери.

Вся в белом медсестра, перерезала новорожденной пуповину хирургическими ножницами, стянула маленький отросток пупка крепкими нитками, и похлопала девочку по попе ладошкой. Девочка, через силу, нехотя заплакала. Медсестра вымыла девочку теплой водичкой, оберла и завернула новорожденного ребенка в белую простынь. Простынь моментально стала влажной. Ребенок описался.

– Ах ты моя хорошая! – запричитала медсестра, меняя простынь. – Ути-ути-ути!

– Бедный ребенок! – главврач, устало раскуривала сигарету. – Такая маленькая, а уже сирота! Отца то и в глаза никто не видел!

– Смышленная какая! – восхитилась сестра милосердия. – Ручонки к моему лицу тянет, губки бантиком. Ой-ой-ой! За волосы дернула! Это что такое! Как не стыдно! Я тебе еще раз по попке! Вот так! Вот так! Нельзя так делать!

– Что там еще такое, Катенька!

– Смешная девочка! – ответила медсестра. – Пальчики еще ничего не умеют делать, а мне уже разные шалости показывают.

– Какие шалости?

– Да вот посмотри!

Главврач посмотрела на то, что ей показала сестра. Крохотные, тоненькие пальчики на ручонке девочки были сложены удивительным и очень смысленным образом. Они показывали четкую комбинацию из трех пальцев.

– Фигу тебе показывает, – восхитилась главврач. – Какой замечательный ребенок! Вырастет, не одного мужика с ума сведет.

– Они сейчас все такие, – поддержала медсестра. – Акселераты!

– Пойду отдохну, – главврач потеряла виски. – Что-то у меня сегодня голова разболелась. День был тяжелым. Давление, наверное, меняется.

– А я пойду уложу ребенка, – медсестра направилась в детскую. – Ее еще покормить надо.

Не прошло и часа, как больница наполнилась криками всполошившихся медсестер. Только что, в своем кабинете от инсульта умер главврач. К ней зашла старшая медсестра за подписью и увидела безжизненное тело. Старшая медсестра и подняла шум. Прибежавшие врачи в безмолвном оцепенении стояли в коридоре. Такая молодая женщина, такой хороший врач и вот вам, нате, пожалуйста! В их глазах застыл ужас и немой вопрос: за что ее Бог наказал? Всегда себя хорошо чувствовала... Кто же мог подумать. Что теперь делать?

Медсестра, кормящая новорожденную девочку, не смогла оторваться и прибежать на крики. У нее только заныло сердце, но хватило тридцати капель валокордина, чтобы сердце успокоилось и заработало нормально. Тридцать грамм молочной смеси успокоили и новорожденную. Ей этого хватило, чтобы уснуть спокойным и безмятежным сном. Кормилицу девочки ничто не должно беспокоить, по крайней мере, до тех пор, пока ребенок не вырос.

Прошло двадцать пять лет.

ГЛАВА I

Он шел и плакал. Он так любил эту девушку, а она им просто пользовалась. Сегодня он понял это окончательно. Да, честно говоря, он это понимал и раньше. Только всё оправдывал. Ее недоступность, недоброжелательность он принимал за суровость характера, и это ему нравилось. Доступная женщина – удел тех, кто не

достоин большего! Это его и сгубило. Доступные женщины, желая в свои сети покрепче поймать мужчину, иногда, очень долго ведут себя таким образом, чтобы показаться недоступными, чистыми. Ее язвительность он принимал за кокетство, молчание – за скромность. Он просто влюбился. Сегодня всё изменилось. Его не любят! Просто не любят и все. Но, это полбеды! Любовь можно пережить, переболеть, перестрадать, в конце концов, покончить с любовью и с собой одним разом. Одним выстрелом в голову или с высоты! Наземь! И, это его право, его решение.

А здесь с ним могут покончить другие. Не спрашивая. Он проигрался в рулетку. Сильно проигрался! Остался должен, и много. Очень много! Как это началось? Вначале везло. Особенно в те дни, когда она была с ним рядом. Она называла ему цифру, он ставил. Удивительно – шарик останавливался как вкопанный. Он выигрывал. Она радовалась. Они целовались. Чем больше он выигрывал, тем больше ее одолевали страстные нескрываемые шальные чувства к нему. Это пугало и нравилось ему одновременно. Ее губы становились жаднее, тело податливее. Глаза горели страстью и желанием. Из каждой ее клеточки сочилась похоть. Он возбуждался. Были моменты, когда он ерзал на стуле. Ему было неудобно сидеть. Ему казалось, что все видят то, что с ним происходит. Она подливала масло в огонь. Наклонялась к нему, покусывала мочку уха, обдавала теплым дыханием его шею, шептала непристойные откровенности, от которых хотелось всё бросить и вот здесь, на этом столе овладеть ею. Она не стеснялась в выражениях. Ее шепот переходил в прерывистое дыхание, как это обычно бывает при близких отношениях. Этим она возбуждала и его и себя. Обыкновенные слова: «Я тебя хочу» или «Я уже вся мокрая» из ее уст вырывались стоном, призывом! И с ним творилось невообразимое. Он сам покрывался горячим потом, начинал тяжело дышать. Ему казалось, он теряет сознание. И он почти терял его от ее близости, от ее запаха, от ее прикосновений. Нитки на складках его тренчика напрягались, трещали, тоже намокали и поэтому очень скоро он был вынужден белые, почти крахмальные брюки заменить на более темные. Не так заметно всё то, на что решался его организм во время такой непонятной ему и особенно окружающим, близости.

Когда они оказывались наедине, их страсть вырывалась наружу, и это было как вулкан, как необузданная стихия. Это была не любовь, не секс – это было безумием! Он каждый миллиметр ее тела ласкал руками, покрывал поцелуями, и если бы можно было,

кусал и рвал бы ее, как изголодавшийся по свежему мясу зверь. И она была похожа на тигрицу. Ее руки, губы, всё тело, все выступы и впадины, все они принимали участие в соитии, и всё это вместе было одной трепещущей губкой, впитывающей все, что у него было или уже не было. Казалось, что она своими ласками сжирает его самого, его разум, его кровь, его силы. Они делали друг с другом всё, что хотели и всё то, на что были способны. Раздраженные близостью, их сумасшедшие фантазии и физические возможности были неисчерпаемы. После они долго лежали рядом, держались за руки, не шевелились. Измотанные до последней капли, они впадали в дремоту, туманную негу. Их организм на это время как-будто умирал и останавливался. Только был слышен стук сердца. Их высохшие от поцелуев губы не могли больше произнести не слова. Время останавливалось.

Конечно, он ревновал ее. Они познакомились год назад. Он еще молодой парень. Она тоже. Она шла по улице, а он спросил у нее, как найти незнакомый дом. Разговорились. Потом приглашение поужинать вместе, полусухое вино, легкая закуска с намеком на изысканный вкус. Первая ночь. Она не то чтобы соглашалась на все, нет, она отдавалась как бы нехотя, настороженно, как бы скрывая ту энергию, которая в ней пока еще дремала, подсказывая ему, что всё то, что он сейчас делает, недостаточно, для того, чтобы разбудить ее страсть. Это его заводило, делало сильнее, избретательнее. Он не спешил. Их близость должна была стать тем комом, который, скатываясь вниз с холма чувств, вбирает в себя все оттенки переживаний, прикосновений, слов, ненавязчивых ласк и эмоций. Позже такая близость должна была перерасти в огромный, переполненный желанием шар, который помчится к наслаждению, набирая скорость, теряя разум, сознание, закручивая в одно целое человеческое и животное, возвышенное и низкое, трепетное и яростное, доходящее до иступления, неистовства и отпущенного бешенства. И этот шар, наполненный бурлящим, переливающимся через край сладостным безумным жаром, должен был разбиться, в конце концов, вдребезги, сразу на мелкие осколки, пронзив их всех, каждую клеточку их тела тем диким, непознанным ароматом и теплом, убивающим любое восприятие окружающего их мира, выплеснувшись на изнемогающую от жажды, задыхающуюся от бешеной скачки плоть сладостным нектаром, чтобы после всего этого раствориться в них, растворив в нем и их самих.

Но эта была только одна сторона их отношений. Он верил ей потому, что любил. От этого ревновал. Постоянно. Это была ка-

кая-то инстинктивная защита его от самого себя, от своей безумной любви к ней. Мучили подозрения: не может девушка так замечательно общаться с мужчиной в постели, если до этого у нее не было определенного опыта. Об этом он ее не спрашивал, она этого разговора не начинала.

Дела его стали идти в гору. Вдохновение, желание жить – это сыграло главную роль в его делах. Она была тем родником сил, надежд и его возможностей. Всё было прекрасно. Первое время. После, когда дорогу в бизнесе перешел друг, везение оставило его. И, на этот раз надолго. Компания несла убытки, наезжали различные проверяющие, контролирующие, просящие, требующие. За этим всем чувствовалась жестокая рука друга. Он просчитал это точно.

Осталась одна надежда – пойти в казино и выиграть хоть сколько-нибудь, чтобы остаться на плаву хотя бы еще какое-нибудь время. Нищета – это, конечно, показатель выдающейся порядочности, но в его мире потеря прежнего статуса означала гибель. Она пошла с ним. В казино было тихо. Поскрипывали стулья под играющими, столбился дым от сигарет, негромко звучали голоса крупье. Зеленое сукно, золотистая вертящаяся тарелка рулетки, жужжание шарика. За столом сидело четверо. Один из них... его прежний друг. Нет страшнее врага, чем твой старый друг – так звучит народная мудрость. Он сухо кивнул. В ответ, точно такой же кивок. Совпадение, что они оказались вместе за одним столом? Сейчас он так уже не думал. Началась игра. Нет, это была не игра! Это был поединок, дуэль. Отсюда один уйдет победителем, другой побежденным. Крупье предлагал делать ставки. Он поставил – выиграл. Поставил еще раз – проиграл. Потом выиграл и так несколько раз, пока сумма ставок не стала колоссальной. Но кроме ставок за столом, они делали личные ставки на случай выигрыша или проигрыша. Ну, к примеру, к общей сумме ставки прибавляешь свои часы, рюмку коньяка, сигаретку и что-то вроде этого. Это было весело, все промахи сразу становились темой для издевок, определенных ухмылок и насмешек. Среди людей недолюбливающих друг друга это очень распространено – посмеяться над соседом, унижить его лишний раз, чтобы показать свое превосходство, если нельзя просто плюнуть в физиономию или разрядить пистолет прямо в сердце ненавистного собеседника. Ему предложили такую игру и он согласился. В трусах никогда не уходил.

Вот и в этот раз он выигрывал с ее помощью. Проигрывал по своей дури. Упрямылся и пробовал на везение ставить на свои

цифры. Когда сумма личных ставок преувеличила шесть нулей, он, доверившись ей, поставил на ту цифру, которую она предложила. И проиграл. На этот раз окончательно. Он был уничтожен. Ни о каком бизнесе не могло быть и речи: придется многое продать, чтобы расплатиться с долгами. Такие долги не прощают. Дружья не прощают, не то, что враги. Никто такую сумму не даст. Не поможет. В конце концов, шут с ними, с этими деньгами! Не в них счастье! У него есть ОНА! Это больше счастья и дороже денег. Он встал из за стола. Игра была окончена.

– Пойдем! – грустно сказал он, ей. – Пойдем. Здесь нам делать больше нечего!

Он протянул к ней руку. Она не ответила. Он взглянул на нее. Она улыбнулась, отошла в сторону, подошла к его врагу и восторженно поцеловала его в губы. Ее глаза горели знакомой ему страстью.

Что он кричал ей? Всё было как в бреду. Что-то вроде «Будь ты проклята!» или «Бог тебя накажет!»

– Бог!? – его подруга скривила рот, еще секунда, брезгливая гримаса изуродовала ее лицо и она расхохоталась, как ненормальная: громко, зло, и истерично.

– Бог?! – она кричала так, как кричат горящие на костре. – Если бы ты меньше думал о своем боге, а больше обо мне и не упоминал в мыслях его имя, даже сейчас, когда проиграл, может быть, всё еще можно было вернуть! А сейчас! Подавись ты своим богом! Я буду проклята? Кем?! Кем?! Этим распятым ничтожеством? А ты! Ты предашь своего бога, сегодня же! И приползешь ко мне на коленях! Приползешь! У нас – у сильных! Другой бог! – Она одобрительно взглянула на своего нового обожателя. – Твой бог, такой же урод, как и ты! Нищий и оплеванный! Ты, ты...

Его вышвырнули вон. Он не успел даже замахнуться. Заканчивалась жизнь. Незачем! Выпитая бутылка водки полетела в стену. За ней другая. Из окна раздалась брань.

– Пусть милицию вызывают! Пусть! Мне сейчас всё равно!

Он, шатаясь, зашел в подворотню.

Вот, оказывается в чем дело! Слепец! Подставили, как мальчишку! Проститутка, подстилка, дешевка! Казино – это проигрыш или выигрыш в руках случая! Он вспомнил, что когда его дела начали терпеть фиаско, у него стали пропадать документы. Кто передавал их его врагам? Теперь ясно кто. Все они такие! Все! Как часто обычную грязную оплеванную пепельницу мы принимаем за хрустальную вазу. Как она могла? Я же любил ее! Я же верил ей!

Когда тебя предали, ты начинаешь всё видеть иначе, не так, как видел раньше. К тебе как бы возвращается зрение и ум. Всё становится на свои места. Необъяснимое становится простым, недосказанное – ясным. Туман надежд растворяется и ты начинаешь очертания всей своей жизни видеть четко, без лжи и без приукрашивания. На многие вопросы находят правильные ответы, и все ответы становятся логичными, справедливыми, верными. С тебя как будто кожу сняли! И теперь, все твои ощущения это сплошная боль, но истина! С потерей любимой всё в этом мире становится ничтожным! И своя жизнь тоже! Про чужие жизни и говорить нечего. И эта тоже такая же!

Навстречу ему шла девушка. Она оглядывалась и прибавляла шаг, когда замечала рядом незнакомых мужчин. Она обошла и его, перейдя на другую сторону улицы.

– И ты меня презираешь! – мелькнуло в его мозгу. – Брезгуешь, тварь!

Он схватил попавшийся под руку камень, догнал девушку и с силой ударил камнем ее в голову. Девушка упала. Он разорвал на ней платье, сорвал лифчик, трусы... Насиловал неистово, вкладывая в каждый новый толчок, всю ненависть, всю свою злобу и презрение. Закончить так и не смог, пьянка в таких делах не помощник! Он почти ничего не видел, ослеп от ярости. Девушка застонала. Она не сопротивлялась. Не кричала. Наверное, удар был сильным. В забытьи, в кровавом тумане понимая, что с ней происходит, она только плакала и умоляла. Не его! Свою маму! Просила прощения у нее за поруганную честь. Просила прощение и у Бога!

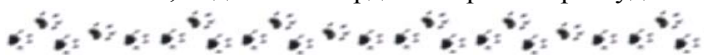
– Мамочка! – Шептала она – Прости меня! Прости меня мама, Господи, прости!

Он отшатнулся, вскочил. Имя Бога пронзило его пьяную душу. Звериный порыв прошел. Он отрезвел, испугался. Чего? Никого же рядом не было! Поспешно застегнув на себе все пуговицы, оглянулся. Ему показалось, что, кто-то идет по улице.

– Надо бежать! Бежать надо! – мелькнуло в его мозгу. На него зло сверху посмотрела луна. Она плакала, блестящими как слезы, звездами.

ГЛАВА 2

Весна. Осы вьются над распутившимися почками вербы. Огромный сонный шмель, проснувшийся от тепла, жужжит над еще не просохшей землей, вяло садится на прошлогоднюю траву, и поднимается снова, вздыхая и сердито ворча на разбудившее его

солнце. Поспешило оно. Ничего же еще не расцвело! Куда теперь девать столько сил и столько свободного времени? Но весна полна неожиданностей. Небо темнеет и начинает идти мелкий снег, а то и град. Зима не сдаётся! Потом опять выглядывает солнце, но смотрит как-то испуганно, виновато, как будто извиняется за то, что только что произошло.

Следователь Грачев сидел в своем кабинете. Он сидел здесь ежедневно, долго, постоянно, даже, наверное, он отсидел в нем больший срок, чем те преступники, которых он посадил. Надо работать, а весной этого делать совсем не хочется. Весенняя пора – пора любви, свадеб. У него всё в прошлом: десять лет женат, дочь подрастает. Ему постоянно некогда. Уходит из дома рано, приходит поздно. Воспитание дочери на жене. Людмила хорошая жена. Она так считает. Она так и говорит: «У тебя хорошая жена!» и всё. Хорошая, значит, хорошая! Грачев и не спорит. Конечно, хорошая! А зачем ему плохая? Сколько лет женат, а ни как не может Грачев привыкнуть к женской логике. Вот, например, у дочери день рождения. «Ты должен своей дочке сделать какой-нибудь подарок, – жена так говорит. – Постарайся вовремя принести зарплату! Дочь ведь так тебя любит!» С последним аргументом спорить просто невозможно. Но зарплату задерживают. Старайся, не старайся, любит, не любит – это-то здесь причем? С каждым годом жизнь всё дорожает и дорожает. Зачешишь затылок. Зарплата у следователя... Тьфу! Даже говорить об этом не хочется! Другие следователи, те умеют. И об этом все знают. Берут и много берут. Смотришь, уже на импортной машине ездит. Грачев тоже приобрел подержанную «Волгу». Но на кровные. Свои! Отложенные. Удобно. Не надо ждать автобуса. Для работы незаменимая вещь. Но машина ломается, требует ухода и даже самая незначительная ее запчастина стоит денег. А ведь кроме машины надо еще есть, платить за квартиру, платить за телефон. За всё надо платить!

Участковым хорошо, просто лафа! У них на территории одна продуктовая палатка, другая, иногородние проживают, торговля, мордобитие, поножовщина, пьянки, гулянки. Можно подойти, покрутить ус, подмигнуть одним глазом и смотришь уже с полными сумками. Нет! Грачев так не смог бы. На это особую натуру надо иметь. Не нравятся Грачеву такие натуры. Ему вообще нынешняя жизнь не нравится. Слишком много в ней дозволенности и распущенности. Никаких устоев: ни моральных, ни физических. Что, хочешь, то и делай. Детки и те! Такие пошли, что взрослых переплюнут. А дети состоятельных родителей и того хуже. Наша-то

голытьба от безысходности, да от пьянства колобродит, а состоятельные – безнаказанности! Знают, что родители их вытаскают. А подрастут и за родителей примутся: родили – значит нянчитесь. У них и развлечения иные: девочки, мальчики, наркотики. Наши, может быть, и рады бы с наркотиками связаться, да не по карману! Тьфу! О какой-то гадости подумал – зло это! Об этом и вспоминать не надо. Благополучных семей с каждым годом всё меньше и меньше. Счастливы те родители, у которых дети умные да воспитанные. Что еще с его дочерью станет? Сейчас родителей уже не слушают, детей улица воспитывает, телевидение распущенное, да подружки с друзьями, для которых подворотня лучше, чем дом и семья. Разодетые по последнему писку моды девочки, перемазанные дорогими духами, вертят попами и матерятся как пьяные сапожники. Мальчики их за попы лапают, они на них виснут, позволяют при них выражаться... В неуважении друг к другу рождается неуважение к остальным. Чего ждать? Как выразился его товарищ на работе и друг в свободное время, оперуполномоченный уголовного розыска Зураб Орехиашвили: «Если наши дети нас в старости не зарежут, то им за это надо сказать уже огромное спасибо». Какая-то истина в его словах есть!

Для следователя Грачева сигарета была вечным неизменным собеседником. Сколько времени тлеет сигарета? Минут шесть, не больше... Эти шесть минут тянутся очень долго, если ждешь чего-нибудь. Ждать да догонять – неприятное занятие! Но уж такова судьба следователя Грачева. Его удел вечное ожидание, будь то прием в какое-нибудь важное учреждение, будь то результат экспертизы или какое-нибудь важное совещание, где ему вставят по первое число за пропущенные сроки, за «висяк», за простой в работе, за ничегонеделание или просто как профилактику на будущее, чтобы знал свое место и лишний раз не высовывался. Ждать следователю приходится всегда и догонять приходится постоянно, еще чаще, чем ждать.

У преступника много дорог, а у следователя она одна и только та, по которой прошел преступник, но каждую из возможных дорожек надо пройти, чтобы понять, прочувствовать, чтобы убедиться в том, что и она приведет в тупик. В таком тупике однажды уже пребывал Грачев. Это было три года тому назад. Тогда была изуродована жизнь пострадавшей, вся ее судьба поездом пошла под откос.

Что было известно? Шла поздно ночью, возвращалась из гостей. Догнал неизвестный. Ударил по голове твердым предметом,

изнасиловал и скрылся. Пострадавшая ничего не помнит. Без сознания. Ни примет, ни зацепок, ни свидетелей. Одно горе и только. Подобрал пострадавшую молодой человек: проходил мимо, увидел, привез в больницу. Спасибо ему за это. И все. С какого конца подступиться? Кого опрашивать? Грачев, вспомнив то прошлое, сердито заглушил сигарету. Он пытался вспомнить, во сколько он тогда появился в больнице.

Приемный час с шестнадцати. Грачев тогда надел халат, поднялся по лестнице. Мимо носились врачи, хирурги, что-то шепчущие себе под нос невропатологи, медсестры в коротких юбках и с напояженными губками. Бабушки несли в баночках желтую, как пиво, мочу и спичечные коробки, укутанные в газету и перевязанные белыми нитками. Для них это самый ответственный момент в жизни. И в регистратуре бурлила жизнь: ругань из-за очереди, капризы из за справок, горькие вздохи по причине повышающихся цен за бесплатное медицинское обслуживание. Палочки, костыли, гипсы, коляски. Только в больнице человек понимает, что он смертный и то, что больных в городе, наверное, больше чем здоровых. Разговоры о недугах. Если у собеседника болезнь страшнее твоей, то по поводу своей болезни и волноваться не стоит! Просто огромное счастье наступает от такого сравнения.

Палата на втором этаже. Посетителей двое. Да кажется, было двое! Один старичок. Он пришел к жене. Она после операции. И молодой человек. Как его звали? Андрей кажется. Он к Вере. Волнуется, нервно перебирает пальцы, теревит пуговицы. Это он подобрал ее на улице. Возможно, и приглянулась. Ну, что же девочка симпатичная! Она его видеть не хочет. Стесняется. Гордая. Он и апельсины ей купил, сок в пакетиках. Хороший человек. Сейчас таких мало. Один подонок натворил дел, другой хороший человек привез, позаботился. Вере сейчас нужна такая поддержка. Какой толк от Грачева. Мент он и есть мент. Она и его стесняется. Какая нормальная девушка об этом будет спокойно разговаривать.

– Здравствуй, Андрей! – тогда Грачев протянул парню руку. Тот неохотно пожал ее. – Как дела?

– По-прежнему. Она никого видеть не хочет, даже передачу не принимает.

– Ну, ее можно понять! Здесь такое... На весь мир можно обидеться!

– Я же из хороших побуждений!

– Отгадет, отгадет... – Грачев по-отцовски похлопал парня по плечу. – Давай я передам!

Парень протянул следователю пакет с фруктами.

– Скажите, что от меня.

– Скажу.

– Эх, жизнь... жизнь...

Вспоминая как всё это было, Грачев не забывал и о сегодняшнем дне. Навалилось много забот. Нехватка сотрудников. В связи с тем, что «рубль стал тяжел» желающих заработать рубль легко, а чаще преступным путем, становилось больше. Грачеву поручили расследовать сразу много дел. Кража драгоценностей и золота из универмага, квартирные кражи. Одна писанина, да и только! Он еще удивлялся, как следователь может разобраться во всех делах сразу? Сразу по всем делам логично рассуждая, делая предположения и перепроверя логичность рассуждений направлять по нужным следам оперов. Другой бы давно перепутал бы все, и, например, пригласил, скажем, по делу о изнасиловании подозреваемого из дела о краже. И начал бы ему втолковывать, в чем тот прав, а в чем нет. Вот смеха то будет! У прокурора, конечно. Ему только повод дай. А про начальство и говорить не стоит. Любит благодарить сотрудников выговорами.

Грачев опять вспомнил, как он вошел в палату. Почему он это сейчас вспоминает?

– Здравствуй, Вера! – произнес тогда Грачев, пытаясь в своем голосе найти интонацию помягче.

– Здравствуйте.

– Как вы себя чувствуете?

– Уже лучше.

– Вот вам посылочка. Здесь все, что вам сейчас надо.

– Леонид Николаевич, вы передайте ему, чтобы он не приходил. Неудобно как-то. Он меня совсем не знает, и я его не знаю. Ну, привез в больницу, помог – за это огромное спасибо. Ну а приходиться то зачем. Мне стыдно. Он меня ставит в неловкое положение. Не могу я. Да и не бывает так! С первого взгляда...

– Он очень хороший человек, Вера. А в жизни бывает по-разному! Влюбился человек. Разве за это гонят?

– Леонид Николаевич! А разве можно меня любить, после того, что со мной случилось? – из уст Веры это вырвалось почти криком. Ее глаза наполнились слезами.

– Можно, Верочка, можно... – спокойно ответил Грачев, стараясь не замечать горящих от ненависти и горя глаз Веры. – Можно.

– Правда?

– Правда.

На лице Веры мелькнула короткая улыбка.

– Вера, нам очень надо знать, что вы еще можете вспомнить.

– Да ничего я не помню, Леонид Николаевич! Я уже говорила.

Больше вспомнить ничего не могу!

– Совсем ничего?

– Совсем ничего.

– Ну хоть что-нибудь!

– Ничего не помню. Всё как в тумане было. Ничего у вас со мной не получается...

– Ну почему не получается, – Грачев надул щеки. – Получается что-то. Опросили жильцов, около дома. Еще опросим... Скоро получим результаты экспертизы и вот тогда, точно, всё узнаем... накажем.

– Леонид Николаевич... – Вера опустила глаза. – Кого вы накажете?

Грачев вопросительно посмотрел на потерпевшую. Вера продолжала:

– Кого бы вы там не нашли, как бы вы его не наказали, мне никто не сможет помочь... вернуть... себя. Если не получится ничего, то вы не переживайте так, ладно? Сама я виновата. Поздно очень возвращалась.

– Не переживайте! – Грачев проглотил ком в горле. – У нас в работе нет таких слов. Не переживайте! Я буду стараться.

Вера пожала плечами.

– До свидания, Верочка!

– До свидания, Леонид Николаевич!

Грачев подержал за ручку дверь.

– Вера!

– Что?

– Андрея вы от себя не гоните, не надо. Мне кажется, он полюбил вас. Бывает так. С первого взгляда. В горе или в добре, а в горе это еще... сильнее. Пообещайте мне, что хотя бы выслушаете его, побеседуете. Он искренен. Не надо... Может быть, он та единственная соломинка, удержавшись за которую вы найдете... то, что вы сейчас ищите – себя. Ладно?

– Ладно, – в глазах у Веры лучиком надежды вновь промелькнула улыбка.

– Хорошо, я подумаю.

– Подумайте! И пообещайте мне, что будете есть апельсины!

– Обещаю!

– Ну и хорошо!

– До свидания!

– До свидания.

Грачев тихо прикрыл за собой дверь.

– Как там?

Андрей оказался рядом.

– Нормально все. Дело пойдет на поправку. Только, вы это... не слишком... с ухаживаниями... Душа, сами понимаете, дело тонкое. Может и сломаться.

– Я понимаю.

– А если понимаете, то вот вам мой совет. Сегодня не ходите. Пусть обдумает наш с ней разговор. Завтра навестите. Если не придет, записочку напишите, может быть, прочтет... Так и наладится!

– Я учту ваш совет.

– Ну тогда все. До свидания и вам!

– До свидания!

– Леонид Николаевич...

– Что?

– Не нашли виновного?

– Ищем.

– Обязательно найдите...

– До свидания!

– До свидания.

Да тогда, именно, всё так и было. Что же это с его памятью? Почему вдруг ему захотелось всё это вспомнить? Наверное потому, что тогда тоже была весна. Начало жизни всего живого. Как будто начинают новую жизнь и люди. Но вот кто, какую? Зимой живут в какой-то полудреме. А потом весна и это как сигнал к активности. Вот что тревожило Грачева и почему он вспомнил о делах давно прошедших: впереди много теплых дней, которые он проведет на работе. Есть уж слишком активные люди, которые совсем не дают отдыхать милиции.

Грачев вышел на улицу. «Волга» завелась не сразу. Долго рычала, грызлась, дымила выхлопной трубой, потом, наконец, одумалась, взревела и понеслась по улице, пугая пешеходов и встречные машины всевозможными звуками. Грачев вздохнул:

– Сегодня еще с женой по магазинам ездить. Отремонтировать некогда.

Ремонт машины совсем никак не вписывался в планы его жены. Когда была свободная минутка, а это выпадало как раз на тот период времени, когда Людмила исчезала в магазине в поиске покупок, Грачев радостно вскакивал с кресла, открывал капот машины, доставал нужные ключи и приладив ключ к необходимой гайке делал первое усилие по откручиванию. Не успевал он сделать ключом и пол-оборота, как в дверях магазина опять появлялась его жена. Либо она уже всё купила, либо в магазине не оказалось того, что она искала, либо была очень большая очередь, и ей не захотелось стоять в очереди – одним словом, жена моментально оказывалась на заднем сидении, произнеся привычную для нее и убивающую Грачева фразу: «Поехали, стоять нет времени!» Грачев, вздыхал, закрывал капот, убирал ключи и дальше мчался на тархтящей машине. И так в течение целого дня. Когда темнело в машине копаться уже не было никакого смысла, а утром его опять ждала работа.

Ему очень хотелось встретиться со своим старым другом Дмитрием Павловичем Тумановым, писателем, иногда помогающим ему в его делах, умеющим фантазировать и объяснять известные факты так, как это не может сделать ни один нормальный трезвомыслящий человек. Туманов мог всё, даже то, о чем его не просили и о чем даже не могли подумать. Их давнюю и искреннюю дружбу укрепил купленный Тумановым старый ржавенький «Москвич» красного цвета с дырами в капоте и с габаритными фонарями, снятыми с другой, наверное, послевоенной машины. Дружья-автолюбители теперь вместе мучились на этом серьезном и нелегком поприще. Грачев что-то еще понимал в машине. Что же касается Туманова, умеющего только выводить на листах бумаги разные каракули, то для него машина была ничем иным, как обыкновенной кучей металлолома, неизвестно почему и отчего-то едущей. Если у Грачева с машиной творилось черти что, то у Туманова было и того хуже. Машина жила самостоятельной жизнью, в которую никогда не вмешивалась рука хозяина. Когда машина Туманова ломалась, он, если конечно не было поблизости автосервиса, хватался за голову, вылезал из машины, открывал капот, с умным видом изучал откуда, что там торчит, разводил руками, плевал на мотор, закрывал капот и шлепал к Грачеву за консультацией. Учитывая, что Туманова долго не было видно, можно было прийти к выводу: или Туманов отсиживается на даче, или он сло-

